

Василий Лягошкин

Девятый круг ада

Шестая история из цикла: «Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин

**Девятый круг ада. Шестая история
из цикла: «Ах, уж эти мужики!»**

«Издательские решения»

Лягоскин В.

Девятый круг ада. Шестая история из цикла: «Ах, уж эти мужики!»
/ В. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851517-0

Ни Виктор Николаевич Кошкин, ни его супруга — Валентина Степановна — прежде не выбирали адреса очередного путешествия. Река времени, поворачивая вспять, несла их в прошлое вопреки их воле. Но теперь, когда одну из подруг, арабскую принцессу Дуньязаду похитил сам дьявол, путь Валентины и ее подруг был предопределен. Ибо нет преград для женщин, если они поставили перед собой цель.

ISBN 978-5-44-851517-0

© Лягоскин В.
© Издательские решения

Содержание

По кругам ада	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Девятый круг ада
Шестая история из цикла:
«Ах, уж эти мужики!»»

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2017

ISBN 978-5-4485-1517-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По кругам ада

*Сей лютый зверь, смутивший грудь твою,
В пути своем других не пропускает,
Но, путь пресекиши, губит всех в бою.*

Валентине было так уютно в объятиях Николаича. И ростом, и весом, она превосходила мужа, причем довольно существенно. Но сейчас, казалось, Кошкина вся уместилась в мужских руках; и не было места в мире (особенно в этом безжизненном краю) надежней и теплее. Только вот в спину, которую Виктор Николаевич никак не мог прикрыть всю, в какой-то момент подул вселенским холодом, какой-то жутью, какую не могла родить обычная северная финская ночь.

Валя осторожно, но очень настойчиво развела руки супруга, и медленно повернулась; теперь она, и боевые подруги, тоже почуввавшие что-то неладное, заслоняли Кошкина общей спиной. Страшно и тонко визгнула шаманка, уставившаяся в практически потухший костер. Аборигены вокруг вдруг исчезли; или общее женское сознание перестало их воспринимать. Оно все было направлено в сторону черных поленьев и разлетевшихся вокруг угольков, резко контрастирующих на фоне утоптанного снега. Едва курившийся дымок вдруг ожил – словно зародившийся ветерок принялся раздувать костер по новой. Но странный это был ветер. В далеком детстве Валентины такие микроскопические «торнадо», гонявшие изредка пыль по улицам Геленджика, ребяташки называли ведьмиными воронками; считалось, что в них нельзя было попадать даже краешком ноги – злая колдунья могла унести душу – туда, откуда ей нет возврата. Эти детские страхи вдруг воскресли в душе Валентины Степановны. Поэтому, наверное, она и не отреагировала сразу – несмотря на крики, даже вой, подруг в душе – когда это торнадо одним мгновением выросло, и трансформировалось...

– Иблис! – первой завизжала Дуньязада, узнавая существо, которое встречается в сказках всех народов мира, и имеет столько разных названий.

Валентина не успела перевести: «Дьявол!», – как тот, разросшийся размером с самый высокий чум, вдруг резко дернул рукой, удлинившейся в несколько раз, в ее сторону. Кошкина почти физически почувствовала, как разрываются мышцы груди, раздвигаются ребра, и чужая плоть шарит в тайном убежище, где тщетно пытались спрятаться подруги. Что-то подсказало Вале, что этот стремительный бросок не был подобен забросу блесны рыбаком: «Авось, кто клюнет!». Нет – этот выпад был снайперски выверен, имел конкретную цель. Мгновением позже Кошкина догадалась, что это была за «рыбка». Арабская принцесса истошным криком и навлекла беду на свою венценосную голову.

Яростный порыв Валентины заставил ее дрогнуть всем телом, а потом встряхнуться, хоть и запоздало. Что-то выдернули из ее тела и души, и это что-то, невидное, но определенно существующее, дьявольское отродье с громким хохотом забросило за спину, в темную воронку, которая по-прежнему стремительно вращалась на месте костра. И уже оттуда, из беспроглядной тьмы, до Валентины, и остальных подруг, донесся слабый голос Дуньши:

*Так верь же мне не к своему вреду:
Иди за мною: в область роковую
Твой вождь, отсель тебя я поведу.*

Исчадие ада так и не захлопнуло рта, полного черных острых зубов; теперь она тянула к Валентине обе руки. Но встретила этот новый выпад не застывшая столбом женщина, а ама-

зонка, наделенная благородной яростью Дон Кихота и волшебной силой Вещего Олега. Именно оружием этих великих героев прошлого была сейчас вооружена Валентина Кошкина. Свистнула тяжелая штага, и две полупрозрачные длани опали на снег, превращаясь в обгорелые поленья. Жуткий хохот не изменил своей тональности; казалось, стал еще свирепей и злорадней. Руки дьявола, обрубленные почти до самых плеч, стали расти снова – угрожающе быстро.

– Ах, так?! Получай!

Валентина выпустила из правой руки шпагу благородного идалго, и ухватила покрепче за рукоять Олеговой секиры. Было ли это оружие намоленным, или напоенным вражеской кровью в жутком обряде? Или лезвие секиры было изготовлено из таинственного небесного металла? Эффект, что оно произвело, был ошеломляющим. Визг дьявола был нестерпимым – таким, что на ногах теперь стояли только сама Валентина, да Виктор Николаевич. Казалось – пара мгновений, и вертолет, который принес их сюда, сейчас взлетит, и умчится прочь – без всяких моторов и винтов. Теперь сатана явно чувствовал, как его плоть, принадлежащую иному миру, разрубается надвое; как черная кровь, от которой кипел и превращался сразу в пар утоптаный снег, потоками лилась из двух половинок уродливой фигуры, которые повалились по обе стороны вонзившейся в мерзлую почву секиры. И уже там, на бесплодной почве тундры, успевшей за несколько мгновений высохнуть до каменного состояния, эти половинки истаяли, оставив после себя лишь ощутимый запах серы.

– А еще! – вскричала в груди Дездемона, – рану в груди. Дуньязада, сестра моя, как же я без тебя?!

*И как скупец, копить всегда готовый,
Когда придет утраты страшный час
Грустит и плачет с каждой мыслью новой.*

– Не ной! – одернули ее сразу обе эллинки, – слезами горю не поможешь. Лучше мысль новую дай. Или внимай, что умные люди говорить будут. Слышала, что она крикнула на прощанье? «Иди за мною: в область роковую...». Вот и пойдем, и надерем кому надо («И кому не надо тоже!», – хищно добавила Ярославна) задницу! И в первую очередь вот ей!

Валентина, освободившаяся и от второго артефакта, который бесследно испарился, как только его помощь стала не нужна, в два прыжка оказалась рядом с шаманкой, распростершейся на снегу. В одно мгновение колдунья стала вровень с победительницей дьявола; а потом и выше – когда сразу пять пар сильных женских рук вздернули ее за ворот кухлянки вверх.

– И как ты все это объяснишь? – пропела Валя.

Николаич за ее спиной содрогнулся. Он-то знал, что когда супруга спрашивает вот таким «ангельским» голосочком, нужно признаваться во всем – что делал, и чего не делал. Однажды в подобное мгновение Виктор Николаевич, сугубый гуманитарий, едва не доказал теорему Ферма. И доказал бы – если бы жена его попросила об этом. Валентина тогда задала вопрос много страшнее – куда Николаич дел премию, о которой (так он надеялся) жена никогда не должна была узнать.

Шаманка прониклась. Увы – обо всем, что она рассказала, наши героини могла сообщить сами. Стуча зубами – скорее от ужаса, чем от холода – дряхлая аборигенка продолжала что-то вещать о преданьях далекой старины, о злых духах, которые приходили за юными, самыми пригожими девушками...

Тут руки Валентины сами почувствовали, что держать на весу тяжелый груз нет никакого смысла, и разжались. Старуха рухнула вниз бесформенной кучкой, а Кошкина повернулась. Вместе с подругами она огляделась вокруг.

– Ну, и где тут юные и пригожие? – первой усмехнулась заметно успокоившаяся Дездемона, не отыскавшая в подступившей толпе аборигенов ни одного смазливового личика, – разве что Николаич?

– Николаича не трожь, – одернула ее Валентина, – у него сегодня другая роль.

– Какая?! – слитно выкрикнули подруги.

– Слышали ведь, что выкрикнула Дуняша? «Твой вождь!». Вот ты, Витенька, и будешь сейчас для нас вождем. А еще – учителем.

– Истории? – открыл рот Николаич, – так я...

– Вот каким! – сурово перебила его Валентина Степановна:

*«Идем: крепка надежда в сердце новом —
Ты вождь, учитель, ты мой властелин!»
Так я сказал, и под его покровом
Нисшел путем лесистым в мрак пучин.*

Увы – «лесистый путь», который нормальным языком называлась всемирная паутина Интернета, был далек от этой затерянной в тундре деревушки на пять чумов. Так что никто, даже «властелин паутины» Виктор Николаевич, не мог сейчас указать путь, куда пахнувший серой похититель уволок арабскую принцессу.

– Что же мы стоим?! – первой спохватилась Дездемона, – надо быстрее лететь в Хельсинки, а оттуда...

Вертолетчиков, которые проспали все действие, быстро выволокли на мороз; велели запускать двигатели. Слабое напоминание мужского вождя племени аборигенов о рыбе, которую по программе надлежало испечь на углях, Валентина отмела с пугающей усмешкой.

– На этих?! – ткнула она пальцем в костер, рядом с которым отпечатались контуры двух половинок дьявола, и программа сама собой подкорректировалась до минимума.

– Ну вот, – наконец, откинулась на мягкую спинку кресла Валентина, – поехали!

Увы – мотор пару раз чихнул, и умолк.

Как поняла неведомым чувством Кошкина, а за ней остальные подруги, навсегда.

– А вот шиш вам!

Так часто в своей новой жизни Валентина Степановна Кошкина не сердилась ни разу. Когда-то совсем недавно она начала обучение в автошколе. С первого занятия ей запомнилась одна фраза; с которой, как утверждал преподаватель, начинался всякий ремонт автомобиля.

– Открываем капот! – именно так начиналась эта фраза.

Вот и теперь она за шкурку летных курток сдернула обоих пилотов с сидений, буквально выкинула их наружу, а через пару мгновений нависла над ними грозной фурией.

*С скамьи блаженной к пропастям земным —
Ты дал мне веру мудрыми словами
И честь тебе и тем, кто внимлет им!*

Мудрые слова были такими: «Открывай капот!». И вертолетчики внимли им, хоть произнесено было «заклинание» на русском языке. Они сразу оба сунулись под тушку летающей машины, и отпрыгнули, когда какая-то дверца открылась, едва не достав до затоптанного снега. Теперь перед Валентиной было скопище трубок, каких-то железяк; посреди них – словно опутанное внутренностями – грузно торчало что-то монолитное.

– Мотор, – догадалась Валентина.

По нему она и стукнула несильно молоточком Пигмалиона, который неведомо как оказался в ее правой руке. Это для пилотов неведомо как, а пять женщин предполагали... нет!

Они знали, что чудо придет им на помощь. Первым таким чудом было явление артефактов – меча, секиры; теперь молотка.

– Хорошо, что кошка со змеюкой не явились, – хохотнула Дездемона.

Она тут же замолкла в изумлении перед новым чудом, как и Пенелопа с Кассандрой, и Ярославна. Но больше всего поразились пилоты, когда двигатель без всякого их вмешательства вдруг чихнул, и заработал – чисто, и победно.

И только Валентина Степановна оглядела всех с деланным равнодушием:

– А что, вы сомневались? С моим-то опытом, и учебой в автошколе...

Лишь Виктор Николаевич, выглядывающий в окошко, мог объяснить, какое «волшебство» сейчас явила миру его жена. Он был на все сто уверен, что двигатель попросту испугался ярости Валентины...

Ставшие чрезвычайно предупредительными пилоты подсадили в салон достаточно тяжелую русскую леди (они же не знали, что вместе с ней в вертолет запрыгнули две гречанки, венецианка, и еще одна русская княгиня), и заняли свои места в кабине. И вот уже серебристая машина летит навстречу неведомому, навстречу первому лучу утреннего солнца. Этот луч ослепил вдруг Валентину, и она прикрыла глаза, а потом повернула голову к мужу, к его ликующему крику:

– Есть! Поймал!

Потом, уже спокойнее, он объяснил, что поймал, наконец, невидимый вай-фай, и тут же потребовал:

– Диктуй, что за строки теперь не дают тебе покоя... и мне тоже.

Валентина не стала жадничать, продиктовала – к явному удовольствию Кошкина:

*Так сладостны твои мне повеленья,
Что я готов немедля их свершить
Не повторяй же своего моления.*

Николаич бодро застучал по клавишам. Ни дрожание летающей машины, ни грохот мотора не мешал ему. А Валентина Степановна устало откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. И открыла их – вместе с подругами – только когда двигатели в последний раз пронзительно взвыли и замолчали. Посадка была достаточно мягкой; она не разбудила женщин. А вот метнувшийся внутрь теплого салона снежный заряд, и какое-то напряжение, дошедшее до общего сознания, тут же заставили вскочить Валю на ноги. Напряжение явно привнес в эту небольшую, достаточно уютную полость летающей машины Кошкин. Он сейчас стоял у распахнутой дверцы, спиной к стильной и скучной столице Финляндии, и всем своим видом выражал решительное: «Не пущу!». И относилось это, как тут же поняла Валентина, не к Хельсинки, не к ее чистенькому, но такому унылому отелю, а к новому путешествию, на которое Кошкина с подругами настроились весьма решительно.

– Да хотя бы и в сам ад, к дьяволу, похитившему Дуньзаду! – кричали ее глаза.

И так же безмолвно Николаич ответил: «Именно туда!»...

Уже в отеле, разогревшись (Кошкин бокальчиком коньяка, а Валентина Степановна – содержимым огромного чайника с зеленым чаем) историк сообщил имя гения, «пригласившего» его супругу в смертельно опасное путешествие.

– Данте, – глухо произнес он, – Данте Алигьери, и его «Божественная комедия».

– Божественная? – улыбнулась немного разомлевшая Валентина, не испытывающая ни малейшего стыда оттого, что имя поэта, произнесенного мужем с видимым пафосом, она слышала... где-то... когда-то... и не больше того.

– Да, – с каким-то внутренним страхом вскричал Николаич, – но говорится в ней о путешествии в ад – по всем его девяти кругам!

– Да, – эхом воскликнула вслед за ним Кошкина, и подруги в душе согласно кивнули, – придется-таки побегать по этим кругам. Неплохо нашу Дуняшу спрятали...

– Да как ты не понимаешь!.. – начал было Николаич, но тут же умолк, остановленный усталым жестом Валентины.

Медленно, даже позевывая, супруга объяснила ему то, что он и сам прекрасно знал, но не хотел принять душой.

*Светлей звезды в очах горел луч ясный,
И тихим, стройным языком в ответ
Она рекла как ангел сладкогласный.*

– Сам понимаешь, Витенька, – ничто от нас не зависит. Как говорится – судьба. И она настигнет нас... меня и здесь, и в любой другой точке Вселенной. Да хотя бы и дома. Вот как покончим с этим приключением, вызволим Дуняшу, так сразу домой. Хорошо? Ты не соскучился по Герою?

Физиономию Виктора Николаевича осветила несмелая улыбка. Будь у него хвост, как у моравского маламута, Кошкин несомненно сейчас бы отчаянно завилял бы этой важной частью организма. А так – он прижал к груди голову Валентины, уже приготовившейся ко сну, и вместо сказки начал рассказывать о путешествии поэта в компании другого, Вергилия, в ад. Начал с первого круга, куда гений Данте поместил добродетельных язычников – Аристотеля, Эврипида; знакомого уже Николаичу, и эллинкам Гомера...

– Вот! – вскричала Дездемона, – вот здесь и надо искать Дуняшу. Заодно и Гомера девчата поправят, кое в чем...

– Второй круг, – продолжил Николаич, – там томятся пленники необузданной страсти – сладострастцы и блудодеи. Сам Данте приводит в пример красавицу Франческу да Римини, и ее возлюбленного Паоло...

– Куда этой Франческе до нашей Дуньязады, – фыркнула Ярославна, – вот уж где необузданная страсть!

Виктор Николаевич невольно покраснел; вспомнил, очевидно, что был невольным свидетелем, и даже участником первой «оргии» арабской принцессы. Он поспешно клацнул по кнопке, «переворачивая» страницу на экране ноутбука.

– Третий круг, – провозгласил он торжественно, – для чревоугодников!

Тут уж расхохотались царственные эллины:

– Так больше нашей Дуняши никто не съест. В саму Валюшу уже ничего не лезет, а девчонка багдадская все тянет и тянет куски со стола. И выпить она не дура...

На четвертом круге ада Валентина Степановна заснула, так и не определив, в каком из них сатана спрятал арабскую принцессу...

*Уж день светал, и солнце в путь вступало
С толпою звезд, как в миг, когда оно
Вдруг от любви божественной прияло.*

– Витенька, – пробормотала Валентина Степановна, – потягиваясь, и освобождая от оков Морфея подруг, – уже утро?

– Утро, утро, – проворчал Николаич не своим голосом; и не по-русски, чего он обычно наедине с женой не делал.

– Ой, – взмахнула руками Дездемона, – где это мы?!

Тело, в котором проснулись красавицы, включая Валентину Степановну, было, как и предполагалось, мужским, и оно – поняли все – терпеливо дожидалось, когда гости в его душе проснутся.

– Проснулись, – буркнула отчего-то недовольная Кошкина, – можешь считать, что еще и умылись, в туалет сходили, и платица поверх трусиков с лифчиками нацепили. Теперь ты рассказывай: «Кто таков, и чем можешь помочь в нашем горе?».

– Мое имя – Вергилий, – поклонился внутрь себя незнакомец, – а кто вы, прекрасные незнакомки, решившие свершить незабываемое путешествие столь необычным способом?

Валентина, а за ней и остальные подруги представились; последней это сделали две элинки, чуть склонившие невидимые, но от этого не менее царственные головы.

– Кассандра, Пенелопа! – воскликнул проводник в царство мертвых, – рад приветствовать вас в... м.м.м, в общем, здесь. Не раз слышал о вас, а теперь... Так поспешим же вперед – туда, где вас помнят и любят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.